

ГЛАВА 37. Благочестивые наложницы семьи Сян умерли, но с места не сошли

Мир Древнего Китая был очень красив. В нем был прозрачный воздух, чистая вода в ручьях, леса и зеленые луга.

Высокий бамбук отражался в неспешной воде.

На коричневых деревьях цветы распускались в горах.

Волны мыли песок под ясной луной.

Жуки-светляки сновали в проеме резного окна,*[106]

И слышно было, как в роще кто-то перебирает струны циня.

Нигде в 21 веке не увидишь такой красоты.

Древний Китай открывался перед Бай Юй, как нескончаемый прекрасный свиток, нарисованный божественным художником.

Но, твою мать, как же в нем было холодно!

В комнатах по утрам пар шел изо рта!

Люди жались к жаровням и одевались потеплее. И при этом все считали, что так и надо - зимой и должно быть холодно, тем более что здесь в Чу, на юге Китая, она длилась недолго, всего три месяца, и перемежалась слякотью и оттепелями.

Господа старались реже выходить из покоев. Слуги толкались у печей на кухне, болтали и смеялись. Солдаты, оставленные сторожить усадьбу, пили водку.

Страдала только Бай Юй, которая привыкла к центральному отоплению и теплой ванне. К тому же, она сильно простудилась.

Через неделю после того, как семья узнала о гибели Сян Ляна, Ми-фужэнь приготовилась совершить жертвоприношение. Наложницам не положено было заходить в храм предков и участвовать в обрядах, но Ми-фужэнь заставила Бай Юй и Юй Ваньсин стоять пять часов под редким холодным дождем, грозившим превратиться в снег, в пеньковых траурных одеждах без подкладки.

Между белым небом и черной землей из котлов поднимались тяжелые жирные клубы пара и медленно расплзались в сером ноябрьском воздухе. На подносах, вывалив языки, лежали головы быка и свиньи и глядели на всех равнодушными глазами. Мертвая душа плакала, потеряв дорогу домой в вечную обитель.

Они молча наблюдали, как Ми-фужэнь достает из котлов вареное мясо, а потом хриплым голосом кричит, как ворона:

- Сколько листьев в джунглях,

Столько людей на земле...

Кто-то должен умереть!

Мир полон горя.

Жизнь кончается смертью.

Кто-то должен умереть!

В лесу темно и душно,

Мир переполнен людьми...

Кто-то должен умереть!*[107]

Ми-фужэнь бросила в котел печень и другие внутренности петуха, зарезанного Фэн Цзы и-ши, чтобы покойный дух мог их съесть. Тогда дух петуха присоединится к нему в мире инь и будет показывать дорогу к воротам загробного царства.

Пурпурные лакированные колонны, как безмолвная стража, стояли рядами по сторонам двора. С черепиц над ними падали капли. Пока Ми-фужэнь взывала к небу, капли перестали падать и начали леденеть на черепице.

Бай Юй смотрела на ритуал пустыми глазами. Горе поглотило ее. Холод в это время проникал в нее все глубже. Она забыла обо всем, а когда очнулась, обнаружила, что ее бьет дрожь, и зубы стучат друг об друга.

Она посмотрела на Юй Ваньсин и испугалась.

Ваньсин-цзецзе стояла, прямая и стройная, как молодой кипарис, прекрасная даже в уродливом платье из пеньки. Лицо ее было спокойно, а глаза - пристойно опущены, но губы были мертвенно-синие. На фоне свинцового пейзажа Юй Ваньсин уже сама казалась покойником. Она была, как статуя из мрамора, и в венах у нее был лед вместо крови.

Юй Ваньсин немного повернула голову и искоса посмотрела на подругу. Ее взгляд был тяжелый и твердый, как могильный камень. Сквозь обычную мягкость любимой наложницы генерала Сяна в тот момент проступила ее внутренняя сила, которая не давала ей поступиться достоинством и пожаловаться на холод.

Бай Юй в тот момент подумала о римской богине Венере, супруге бога войны Марса, которая одна могла усмирить его неистовый нрав. Исполненная красоты и благородства древнекитайская Венера, Вечерняя Звезда, была достойна своего бога войны!

Между тем, Ми-фужэнь куда-то незаметно подевалась.

Темнело, дождь полил сильнее, и ночь была, как холодная вода.

Бай Юй с Юй Ваньсин стояли одни, а лужи на земле тихо покрывались первым тонким льдом.

Ми-фужэнь забыла про них?

Или не забыла?

Посмотрев еще раз на застывшую старшую наложницу, Бай Юй очнулась.

Или фужэнь намеренно убивает соперниц, которых она ненавидит и боится?!

С точки зрения обрядов, это было идеальное преступление. Все женщины были, как положено, в траурных одеждах из пеньки, но молодые наложницы стояли неподвижно под снегом и дождем, а фужэнь непрерывно двигалась возле теплых котлов. Никто не посмеет заподозрить злой умысел. А то, что погода повернула на зиму, это воля неба, винить тут некого.

Мир полон горя, что поделаешь.

Простудились во время жертвоприношения и умерли, но с места не сошли - люди долго будут с уважением вспоминать благочестивых наложниц семьи Сян.

Ми-фужэнь раскрошила в курильницах пахучие травы и села на подушку между жаровнями. После долгого пребывания на улице, ее разморило в тепле.

Когда Бай Юй без стука вошла в спальный покой, Ми-фужэнь мирно спала, привалившись к стене, уронив на пол гадальные бамбуковые палочки. Служанки не посмели заступить дорогу молодой госпоже, они только нерешительно переглядывались.

- А? - сказала Ми-фужэнь, вздрогнув.

Когда она увидела Бай Юй, она затряслась и начала отползать подальше. Младшая наложница была холодная и бледная, как смерть.

- Ты кто?! - закричала Ми-фужэнь, не зная, привидение пришло к ней или человек.

- Я Бай Юй, - ответила Бай Юй, но онемевшие от холода губы только беззвучно пошевелились.

Ми-фужэнь поняла, что спрашивать бесполезно, потому что с того света звук не доходит.

- Уйди. Уйди, - забормотала старшая женщина, вжимаясь в угол.

Больше всего на свете она боялась призраков. На втором месте была Бай Юй.

Призрак мертвой Бай Юй - как мы вообще дожили до такого кошмара?!

Бай Юй не могла говорить, поэтому она отрицательно помотала головой.

Это была бессознательная физиологическая реакция.

Она так замерзла!

А в комнате было так тепло!

Она совсем не хотела уходить!

В комнате у фужэнь горели три пузатые медные печки, наполненные древесным углем. У нее даже была теплая лежанка, которая нагревалась дымом от специальной печи в соседней комнате.

- Не уйдешь?! - с ужасом прошептала Ми-фужэнь. - Но тебе тут нельзя, тебе надо возвращаться домой...

Бай Юй утвердительно кивнула.

Она была согласна, что входить к Ми-фужэнь без приглашения нехорошо, и она очень хотела

пойти к себе в домик и залезть под одеяло.

Ми-фужэнь имела в виду, что, раз уж Бай Юй умерла, ей не место на земле, а пора уже отлететь на небеса.

- Я всегда любила тебя, как родную сестру, - захныкала фужэнь, у которой ум за разум зашел от страха. - Я тебя наставляла... заботилась... Зачем ты пришла? Что ты теперь хочешь?

Она попыталась соорудить на своем злобном лице подхалимскую улыбку.

Бай Юй для пробы пошевелила губами. "Ваньсин-цзецзе и я очень замерзли," - хотела сказать она.

- Вансинь... - медленно проговорила Бай Юй, не очень еще владея речевым аппаратом.

- Ты хочешь Вансинь?! Забирай!

Сумасшедшая женщина радостно закивала, не веря в свое счастье, что так легко отделалась от злобного призрака.

- Договорились, - сказала Бай Юй.

Она тоже плохо соображала, потому что мозги у нее не совсем оттаяли. Она была довольна, что фужэнь отпустила ее домой и разрешила забрать Ваньсин-цзецзе.

Утром грудь Бай Юй разрывалась от боли. Надоедливый кашель, который мучил ее не один день, усилился. Она знала симптомы переохлаждения и внутреннего воспаления, потому что ей приходилось подолгу бывать в горах выше снеговой линии. В усадьбе Сянов не было недостатка в лекарствах - имбирь, корица, мед, малина, эвкалипт для ингаляций, жаропонижающие травы. Бай Юй из 21 века вылечила бы свой бронхит за пару дней, но из ее теперешнего тела, ослабленном горем и холодом, болезнь не хотела уходить.

Ей становилось то лучше, то снова хуже.

Юй Ваньсин преданно ухаживала за подругой. Закаленному деревенскому организму старшей наложницы хватило трех дней, чтобы справиться с простудой, остался только насморк.

- Ваньсин-цзецзе, тебе самой еще надо лежать в постели, - говорила Бай Юй.

- Дет, дет, я здодова, - отвечала Юй Ваньсин.

Бай Юй могла бы поправиться, если бы в домике не было так холодно. Тонкие дощатые стены и крыша, крытая деревянной дранкой, совсем не держали тепло. Хворост, который Цуо Су приносил каждый день, быстро стгорал в жаровнях. Позже Бай Юй узнала, что Юй Ваньсин отдавала ей половину своей доли. И все равно хвороста не хватало. Древесный уголь наложницы вообще не получали - Ми-фужэнь забирала все себе.

Она лежала и думала о Ми-фужэнь, которая чуть не заморозила ее и Юй Ваньсин насмерть.

Она думала про то, как чокнутая фужэнь сидит в своей красной комнате среди печек и курильниц, как в крематории, и прячется от призраков.

Она вспоминала, как фужэнь запаниковала, когда Бай Юй шевелила губами, но слов не было слышно.

Бай Юй широко открыла глаза, потом нахмурилась и пробормотала "Хм..."

Она завозилась под одеялами.

В следующую секунду она решительно вылезла из-под одеяла и начала одеваться.

- Ты куда?

- Вы куда?

- Хозяйка, вы куда? - закричали Юй Ваньсин, У Маогэнь и Ли Лэ.

- Я знаю, чем болеет Ми-фужэнь, - сказала Бай Юй и без лишних разговоров открыла дверь на улицу.

Выйти ей не удалось.

На пороге стоял управитель У.

*[106] строки из разных стихотворений Ван Вэя (эпоха Тан, 8 в.)

*[107] "Песня об истечении жизни" - часть обряда шаманизма, практикуемого до сих пор в народе мяо, населяющем часть территории древнего царства Чу. Содержит объяснение необходимости смерти, исходя из утверждения:

Если листья не опадают, в джунглях становится темно,

Если люди не умирают, мир не сможет их всех вместить.

□ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! □

<http://tl.rulate.ru/book/80035/2769830>